

КОННОТАЦИЯ КАК СМЫСЛ

В. М. Никонов

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 января 2010 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема ингерентной и адгерентной коннотации, роли разноструктурных единиц языка в ее создании, когерентность, композициональность языковых средств в коммуникативных актах. Углубляются отдельные важные положения И. М. Кобозевой о смысле как коннотации. В научный оборот вводятся труды философского содержания, связанные с коннотацией и смыслом, параллельно с исследованиями выдающихся лингвистов.

Ключевые слова: коннотация, внутренняя форма слова, концепт.

Abstract: the article deals with the problem of inherent and adherent connotation, the role of language units in its creation, coherence and compositionality of linguistic means in communication. Some important points of I. M. Kobozeva about sense as connotation are extended. Philosophical works connected with connotation and sense are introduced into scientific research along with the works of outstanding linguists.

Key words: connotation, inner word form, concept.

По целому ряду причин в последние годы выходит большое количество трудов ученых, в которых во многом уже исследованная тема, связанная со смыслом, значением, рассматривается с новых позиций, часто разновекторных, но соприкасающихся в основном, глобальном.

В центре внимания оказывается язык. Именно он лег в основу капитального труда «Язык как материя смысла», посвященного недавно ушедшей из жизни академику Н. Ю. Шведовой [1].

Лингвистику и межкультурную коммуникацию этой стороной обогатил «Словарь по межкультурной коммуникации...» [2], где дается лингвофилософская характеристика смысла: «В основе концепции – фундаментальная категория “смысл”. Смысл понимается как инвариант коммуникации. Смысл предстает в проекции на вертикаль и горизонталь. В проекции на вертикаль смысл – неизменная величина: высота ценности бытия, истина, совершенство, Вечность, сфера, Бог. В проекции на горизонталь смысл – изменяющаяся величина, зависящая от контекста коммуникации, Смысл в коммуникации раскрывается в бесчисленном множестве вариантов культуры».

Обе проекции, безусловно, связаны с концептами, которые, даже претерпевая изменения, остаются наполненными в разной степени смыслами как коннотациями.

Смыслообразование как глобальная проблема современности рассматривается в ракурсе взаимодействия дисциплин в работе А. П. Назаретяна [3].

В связи с таким аспектом рассмотрения смысла, как коннотация наше внимание привлекли работы

А. С. Кравца, в первую очередь вышедшая в 2003 г. статья «Деятельностная парадигма смысла».

Анализируя недостатки изучения смысла разными учеными в разные времена, он пишет: «Лингвисты, имея дело с живым языком, обращали внимание на лексические формы выражения смысла, на обилие коннотаций смысла слова в речи, риторические и стилистические особенности языка».

Особо отметим «предметную доминанту», предложенную им, – «деятельностную парадигму смысла», которая «явно вводит новую (S-S) модель речевого акта». И далее: «Если прежние парадигмы интересовались прежде всего семантикой смысловых выражений и поэтому нацеливали исследователей на поиск смысла, выражаемого отношением знак-объект (Z-O), то новая парадигма погружала смысл в субъект-субъектные (S-S) отношения, которые более адекватно характеризуют суть человеческой коммуникации. С этих позиций коммуникация предстает как осмысленная деятельность в человеческом (с у б ъ е к т - с у б ъ е к т н о м) мире» [4, с. 183, 164–165].

Заметим, что наиболее полно концепция автора отражена в его монографии «Понимание смысла социальной деятельности...» [5].

Многое для исследователя-лингвиста дает коллективная монография «Человек как субъект коммуникации: Универсальное и специфическое» [6] (под ред. Л. И. Гришаевой, Е. Н. Ищенко).

Понять механизмы смыслообразования посредством актуализованных структурных единиц языка позволили «полулингвистические, полуфилософские» статьи С. Н. Зенкина, в частности «Культуро-

логия префиксов» [7], содержание которой говорит и об идеологическом компоненте смысла (смыслов).

Наиболее полное представление о взаимодействии философов и лингвистов при рассмотрении смысла как коннотации дает нам монографическое исследование «Диспозиция “свой–чужой” в культуре» [8, с. 253], эксплицирующее многомерные коннотативные характеристики как смыслы на материале двух концептов.

Обращая внимание на механизмы вербализации, специализирующиеся «на номинативных стратегиях при обозначении «своего» и «чужого», авторы тонко и убедительно дифференцируют прямые денотативные значения и стратегии прямого атрибутивного характера по признаку отсутствия/наличия оценочных сем и во многом зависимых от оценочности других микрокомпонентов коннотации, проявляющихся в разных ярусах языка.

Завершая философский, лингвофилософский аспект исследования, отметим появление все новых и новых работ философского плана, позволяющих увидеть возможности еще более многомерного взгляда на решаемую в нашей статье проблему. Наиболее убедительной в этом отношении является статья А. Ю. Большаковой «Архетип – концепт – культура». Перечисленные в ней ключевые слова в значительной их части непосредственно обращены к коннотации, смыслопорождению и его структурированию при помощи языка – системы и деятельности. Ср. архетип, концепт, константа, инвариантность/вариантность, структура, актуальный/пассивный слой, внутренняя форма, миф, символ [9, с. 47–57].

Основательные, фундаментальные труды Г. П. Мельникова, М. А. Кронгауза, А. А. Кретова и др. ученых [10; 11; 12] позволили увидеть неограниченные возможности смыслообразования посредством разноразрядных единиц языка при их взаимодействии, более корректно ориентироваться «в поисках смыслового каркаса языка» [13, с. 37].

О широком диапазоне рассмотрения *актуализации* – важнейшего продуцента коннотации как смысла – свидетельствуют новейшие исследования контрастивного плана, не имеющие, казалось бы, отношения к предмету нашего исследования и соприкасающиеся с ним лишь упоминанием соотношения грамматической категории «актуальность–узуальность».

Так, исследуя роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков, В. Т. Титов и А. А. Кретов, не выходя непосредственно на коннотацию, приводят, по сути, примеры, иллюстрирующие коннотируемые под влиянием актуализации языковые единицы: «... Между тем взгляд А. Е. Кибрика на русскую грамматику сквозь “кавказские очки” позволил ему обнаружить в ней нема-

ло интересного, ускользавшего от зашоренного традицией взгляда русистов...

Например, Т. В. Булыгина и С. А. Крылов мотивируют выделение в русском языке скрытой грамматической категории «актуальность–узуальность» наличием пар *водится* (узуальность) – *находится* (актуальность), *питается* (узуальность) – *уплетает* (актуальность), *пьяница* (узуальность) – *пьян* (актуальность), *белый* (узуальность) – *белеет* (актуальность)...» [14, с. 7].

Анализируя приведенные скрытые категории в ракурсе эксплицирования заложенных в них коннотаций (смыслов), обратим внимание на сложность выводимости актуализованных смыслов во всех этих примерах, за исключением разве только пары *питается–уплетает* с очевидной их стилистической маркированностью, легко определяемой даже в узальном употреблении.

Рассматривая в целом и лексическую, и грамматическую стороны взятого для нашего исследования приведенного выше материала с выходом на коннотацию с ее микрокомпонентами, актуализуемыми в соответствии с прагматическими факторами, сошлемся на Ю. С. Степанова, коснувшегося в одной из последних его работ основных законов семиотики, в частности области синтактики с ориентацией на коннотации: «Итак, язык в целом, со всей его лексикой (но без развитой системы синонимов) и грамматикой служит одним планом, а именно – планом выражения для стилистики. Планом же содержания стилистики являются все те “оттенки” значений, которые, мы видели, при этом выражаются, например: “грубость говорящего”, “некультурность говорящего”, или, напротив, “деликатность говорящего”, “его высокая образованность” и т.д. и т.п. Все эти оттенки называются в семиотике “коннотаты” (от англ. слова *connote* – “соозначать”), от этого термина и весь неявный уровень употребления языка называется иногда “коннотативным”...» [15, с. 55].

Выше мы говорили об актуализации как условии смыслопорождения, актуализации, включающей разные ярусы языка начиная с фонетического и кончая предложениями самых сложных структур.

Подобный подход находим у А. В. Зеленщикова: «Основной темой второй части монографии является понятие «смысл», которое рассматривается в работе как исходное индивидуальное ментальное образование, подлежащее “актуализации” в высказывании и интерпретации в процессе речевой коммуникации. Смысл как интерпретируемое и одновременно интерпретирующее является способом и целью человеческого общения, динамической, диалектической сущностью, обуславливающей само существование и функционирование языковой системы» [16, с. 6].

При рассмотрении соотношения *значение–смысл* и выявлении на этой оси коннотации ученые дают разные ответы. В частности, В. В. Богданов, характеризуя «семантикоцентризм и формоцентризм в мировой лингвистике XX века», пишет: «Когнитивисты считают, что значение присуще как лексическим, так и грамматическим средствам, что те и другие значения в равной мере изобразительны. Данная грамматика определяется ее создателями как грамматика с узусной базой. Это означает, что основанием для интерпретации значения, заложенного в тех или иных языковых структурах, является узус, т.е. уровень конкретного использования языка говорящим и его собственного понимания языковых структур» [17, с. 6].

Ср. в связи этим соотношение актуальности–узуальности в плане смыслопорождения у Т. В. Булыгиной и С. А. Крылова, выделивших в русском языке скрытую грамматическую категорию «актуальность–узуальность» (см. [12, с. 7–8] и наши рассуждения по поводу приведенных в статье примеров с их коннотативными маркерами).

Полагаем, что и категория значения, и категория смысла обладают потенциальными возможностями смыслопорождения в понимании *смысла* как *коннотации*. Однако эти *потенции* различны. Обратившись к рассуждениям видного представителя структурализма – французского филолога А. Греймаса, – определим условия реализации коннотативных возможностей изменения, в сторону усиления смысловых эффектов, обусловленных определенными причинами: «Учитывая актуальное состояние наших знаний, мы будем рассматривать это позитивное содержание как ядро и обозначим его Ns, предположив, что оно представляет собой постоянный семный минимум, некий инвариант.

Но если Ns является инвариантом, то варианты “смысла”, которые мы уже рассмотрели, могут истекать только из контекста; иначе говоря, контекст должен содержать некие семные переменные, которые только и способны описать поддающиеся констатации изменения *смысловых эффектов*. Временно будем рассматривать эти семные переменные как контекстуальные семы и обозначим их Cs...»

И далее вывод, который выводит нас на понимание разницы в коннотативных (смысловых) возможностях значения, с одной стороны, и значимости, смысла – с другой: «Действительно, определения, которые мы только что дали семному ядру Ns и контекстуальной семе Cs, позволяют нам теперь рассматривать смысловой эффект в качестве семемы и определять его как сочетание Ns и Cs: семема Sm = Ns + Cs [18, с. 63–65].

Следует заметить, что приведенные выше суждения А.-Ж. Греймаса наиболее развернуто и убедительно

представлены в трудах выдающегося российского ученого А. В. Бондарко, например, в работе «К интерпретации понятия “смысл”» [19, с. 316–321].

«Проблема стратификации семантики, отмечает ученый, включает постановку вопроса о языковых значениях в их отношении к смыслу, о специфике языкового представления смыслового содержания, о соотношении универсальных мыслительных оснований языковых значений и идиоэтнических содержательных элементов в каждом языке».

Смысл истолковывается им не только в рамках лингвистического анализа, но и сопровождается, дополняется двумя важными аспектами: «Таким образом, в рамках лингвистического анализа смысл может быть истолкован как когнитивная основа лексических и грамматических значений языковых единиц и их реализаций в составе семантических комплексов, выступающих в высказывании; смысловая основа языковых значений выявляется как инвариант внутриязыковых синонимических преобразований и межязыковых соответствий».

Эти положения углубляются А.В. Бондарко двумя аспектами: 1) *системно-категориальным* и 2) *речевым*, актуальным, которые, по А. В. Бондарко, предполагают «необходимость анализа их взаимосвязей», что нашло отражение в разработанной и представленной в других трудах ученого модели функциональной грамматики (см. подробнее об этом [19, с. 319–324]).

Позже, в 2000 г., к проблеме *смысла* обратилась И. М. Кобозева, по-своему интерпретируя «две ипостаси содержания речи: *значение* и *смысл*». Несмотря на ограничение исследования сферой речи (как это обозначено в заглавии статьи), здесь, безусловно, анализируется и языковая составляющая, на которую мы смотрим под другим углом зрения.

И. М. Кобозева выделяет «по меньшей мере четыре возможных понимания *смысла слова*.

Из них мы остановим наше внимание на тех сторонах изучаемого явления, которые связаны с коннотацией (коннотациями). При этом эта связь у автора анализируемой фундаментальной работы и у нас видится в разной степени близости.

В частности, оговорки и более глубокого анализа требуют выделенные И. М. Кобозевой два параметра: 3.2.1.4. *Смысл* слова как его интерпретация, основанная на внутренней форме; 3.2.1.5. *Смысл* слова как его коннотации.

Приведем более подробно доводы автора и наши суждения.

Как нам представляется, оба выделенных И. М. Кобозевой параметра рассмотрения *смысла* находятся в теснейшей связи: внутренняя форма слова связана с коннотацией, несет ее на разных ступенях неосознанности/осознанности носителями языка. А обра-

щение к исходной форме, значению, смыслу обычно сопровождается эмоциональной оценочностью, экспрессивностью.

Более того, исходя из понимания внутренней формы слова, предложенного Анной А. Зализняк, мы находим материал, подтверждающий нашу версию: «Внутренняя форма слова – это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта; приблизительно в том же значении иногда используется термин *мотивировка*... а также *мотивация* [20, с. 87]».

Уже сам выход на концепт при анализе внутренней формы слова свидетельствует о наличии элементов коннотации в ней.

Что же касается «*смысла* слова как его коннотации», то в понимании И. М. Кобозевой это представлено следующим образом: «В-третьих, под *смыслом* слова могут подразумеваться **коннотации**, то есть связанные с ним в сознании говорящих представления как фактического, так и оценочного характера... Понимаемый таким образом *смысл* можно, пользуясь метафорой писателя Д. Данина, сравнить с эхом, которое раскатывается от слова и качество которого зависит от социального рельефа жизни вокруг. Ясно, что такого рода *смысл* наиболее интересен у так называемых «идеологических» и «культурных» слов...» [21, с. 318].

Для выявления микрокомпонентов коннотации, помимо оценочного, а также «прикрепленности» коннотаций к «идеологическим» и «культурным» словам, укажем на следующее.

1. В работе «Оценка как объект грамматики» В. В. Лопатин дает многовекторную характеристику оценке, оценочности, естественно и неразрывно связанной с другими микрокомпонентами коннотации (недифференцированно представленными у И. М. Кобозевой. – В. Н.).

«Каждый из названных оценочных комплексов представляет собой подвижную, градуальную систему значений – от самого полного проявления какого-н. оценочного признака до его полного отсутствия. Значения эти имеют как рациональную (интеллектуальную, логическую), так и эмоциональную основу, *часто в сочетании с экспрессивно-эмфатическим компонентом*, причем степень представленности рационального и эмоционального начал в разных случаях, естественно, различна...» (подчеркнуто нами. – В. Н.) [22, с. 537].

Подводя некоторые итоги рассмотрения соотношения понятий *значение* и *смысл* в двух основополагающих трудах – А. В. Бондарко и И. М. Кобозевой,

а также в работах других исследователей, можно сделать следующие выводы.

1. Они дополняют друг друга, позволяют уточнить позиции для дальнейшего разрешения проблемы смысла как коннотации, обращаясь и к системе языка, где заложены потенциальные возможности коннотаций, и, особенно, к его функционированию с акцентом на актуализацию тех или иных единиц языка.

2. Работы таких известных ученых, как Г. П. Мельников, М. А. Кронгауз, А. А. Кретов подтверждают наличие в языковой системе больших ресурсов для создания коннотаций, их экспликации при помощи новых методик и методологии исследования.

3. Проблема смысла как коннотации оказалась в поле зрения философов, что говорит о подходе к ней с позиций синергетики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Язык как материя смысла : сб. статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Азбуковник, 2007. – 735 с.
2. Зинченко В. Г. Словарь по межкультурной коммуникации : понятия и персоналии / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. Л. Кирнозе, Г. П. Рябов. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 126 с.
3. Назаретян А. П. Смыслообразование как глобальная проблема современности : синергетический взгляд / А. П. Назаретян // Вопросы философии. – 2009. – № 5. – С. 3–19.
4. Кравец А. С. Деятельностная парадигма смысла / А. С. Кравец // Вестник ВГУ. Сер.: Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С. 160–188.
5. Кравец А. С. Понимание смысла социальной деятельности / А. С. Кравец. – Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 302 с.
6. Человек как субъект коммуникации : универсальное и специфическое / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, Е. Н. Ищенко. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006. – 338 с.
7. Зенкин С. Н. Культурология префиксов / С. Н. Зенкин // Культура «Пост» как диалог культур и цивилизаций / ред. М. К. Попова и В. В. Струков. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 360 с.
8. Диспозиция «свой–чужой» в культуре / под ред. А. С. Кравца. – Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 257 с.
9. Большакова А. Ю. Архетип – концепт – культура / А. Ю. Большакова // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 47–57.
10. Мельников Г. П. Системная типология языков : Принципы, методы, модели / Г. П. Мельников. – М. : Наука, 2003.
11. Кронгауз М. А. Семантика : учеб. для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 399 с.

12. Кретов А. А. Славянские этимологии: монография / А. А. Кретов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. – 364 с.
13. Воротников Ю. Л. В поисках смыслового каркаса языка / Ю. Л. Воротников // Язык как материя смысла : сборник статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Азбуковник, 2007. – С. 37–48.
14. Титов В. Т. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / В. Т. Титов, А. А. Кретов // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 7–13.
15. Степанов Ю. С. Основные законы семиотики: объективные законы устройства знаковых систем (синтактика) / Ю. С. Степанов // Язык средств массовой информации : учеб. пособие по специализации. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – Ч. 2. – 416 с.
16. Зеленщиков А. В. Предисловие от редактора / А. В. Зеленщиков // Актуализация предложения : в 2 т. – Т. 1 : Категории и механизмы / отв. ред. А. В. Зеленщиков. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 236 с.
17. Богданов В. В. Семантикоцентризм и формоцентризм в мировой лингвистике XX века / В. В. Богданов // Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. / под ред. А. С. Герда. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – Вып. 5. – 232 с.
18. Греймас А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас ; пер. с фр. А. Зиминой. – М. : Академический Проект, 2004. – 368 с.
19. Бондарко А. В. К интерпретации понятия «смысл» / А. В. Бондарко // Словарь. Грамматика. Текст : сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М., 1996. – 480 с.
20. Зализняк Анна А. Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте / Анна А. Зализняк // Язык. Личность. Текст : сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. – М., 2005. – 976 с.
21. Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи : значение и смысл / И. М. Кобозева // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 624 с.
22. Лопатин В. В. Оценка как объект грамматики / В. В. Лопатин // Лопатин В. В. Многогранное русское слово : избранные статьи по русскому языку. – М. : Азбуковник, 2007. – 743 с.

Липецкий государственный педагогический университет

Никонов В. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания

*E-mail: a_fedorkova@mail.ru (для Никонова В. М.)
Тел.: 8(4742)328-421*

Lipetsk Teacher Training University

Nikonov V. M., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian and Methods of Teaching

*E-mail: a_fedorkova@mail.ru (для Никонова В. М.)
Tel.: 8(4742)328-421*